

Андрей ПИНЧУК

Характеристика социально-политических отношений: терророгенность

Не только в средствах массовой информации, но и в научной литературе многочисленные исторические события, связанные с различными фактами насилия, нередко подводятся под общее понятие «террор», а последовательность их совершения представляется как эволюция терроризма [1]. В эту совокупность входят убийства отдельных личностей, акты революционных действий, переворотов, войн, этнических и религиозных конфликтов, репрессий, организованной преступности и иных событий. Но при их оценке не выделяются самостоятельные признаки явления, которое современная наука вкладывает в понятие «терроризм». Однако при исследовании его генезиса их игнорировать нельзя. Чтобы события считать собственно террористическими на момент их совершения, необходимо в действовавших в тот период системах права, обычаев, морали, политических традиций обнаружить такие критерии явления, которые соотносимы с оценками, выработанными современной наукой с учетом принципа историзма. Ведь содержание терроризма на протяжении веков не меняется: уничтожение мирных граждан, политические убийства, создание атмосферы угнетающего состояния, обусловленного произошедшим или грозящим бедствием, для последующего влияния на власть или достижения политических целей. Существенно меняются лишь социально-культурные обстоятельства, правовая система, субъекты, последствия, политическая среда проявления терроризма.

Например, сомнительными представляются предположения о том, что понятие «террор», использовавшееся Аристотелем для обозначения особого типа страха, вызванного определенными действиями, и ужаса, который овладевал зрителями трагедии в греческом театре, имеет определенную политико-эволюционную связь с террористическими актами и террористической идеологией сегодняшнего дня. В модели Аристотеля террор, неизбежно вызывая чувство сопереживания происходящему на сцене, влек за собой состояние катарсиса – очищения, оздоровления, возвышения, которое театральное представление должно было вызвать у человека [2]. В этом смысле «террор» Аристотеля являлся скорее культурно-психологическим феноменом, не имеющим политико-криминологических свойств.

Также различается сегодняшний терроризм и первоначальный терроризм Французской революции 1790-1795 гг. Сначала в слово вкладывался позитивный с точки зрения революционеров подтекст, не предполагавший негативной сути и в большой степени созвучный значению «революционер». Лишь кровавые события, последовавшие после 9 термидора, придали слову «террорист» зловещий смысл, превратив его в синоним слова «преступник».

Андрей ПИНЧУК – военнослужащий, соискатель РАГС

Но и после того, как «терроризм» оформился в негативное политическое и уголовное понятие, он еще долгое время использовался либо как локальная характеристика конкретных актов его применения без системных политических последствий, либо как определенный, вполне допустимый в рамках широких идеологических подходов к политической борьбе метод без особого самостоятельного значения и тенденций.

Показательна также смена содержания понятия «терроризм» в юриспруденции, которая вырабатывает и регуляторы политических изменений, что обусловлено междисциплинарной конвергенцией политологии и юриспруденции. Сравнительно недавно под террористическим актом в УК РФ подразумевалось исключительно посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля, совершенное в целях прекращения его государственной или иной политической деятельности либо из мести за такую деятельность (ст. 277 УК РФ), что, по сути, соответствовало еще советскому законодательству. Однако с 2004 г. подход был резко изменен и указанная статья перестала носить приставку «террористический акт». Этот акт стал наименованием иного преступления, обозначаемого ранее общим термином «терроризм», и предусматривающего ответственность за «акты терроризма», разграниченные с «террористическими актами» (Ст. 205 УК РФ). Такая смена имела глубокое сущностное содержание, так как если до 2004 г. террористический акт относился к преступлениям против основ конституционного строя и безопасности государства, то в настоящее время – к посягательству на общественную безопасность [3]. При этом тенденция такова, что данные преступления все в большей степени поглощают и ранее самостоятельный состав такого деяния, как диверсия.

Таким образом, более продуктивно изучать современный терроризм в рамках социально-политической динамики процессов трансформации миропорядка, опираясь на методологию системогенеза, описывающего происхождение и саморазвитие сложных функциональных систем, и системогенетики, открывающей знания об информационных процессах, порождающих простые, сложные и сверхсложные системы [4, 5, 6]. Тогда факты террора и терроризма рассматриваются не как сменяющие друг друга в историческом процессе локальные события, а как системные изменения общественных отношений, обусловленные передачей сущностных признаков феномена терроризма, выраженных в динамике содержания единого понятия – терророгенность. Терророгенность мы понимаем как состояние общественно-политических отношений, характеризующееся наличием субъектов, обладающих потенциальной или реальной способностью осуществлять деятельность, направленную на достижение политико-идеологических целей методами и средствами насилия в целях изменения общественного сознания.

Каковы же характеристики сущностных признаков терроризма? В первую очередь мы выделяем потенциальную предрасположенность (предпосылку) событий и субъектов к террористической деятельности. На втором месте стоит выявление дополнительных свойств и качеств уже существующих явлений. Так, определение признака терророгенности является дополнительной отягощающей характеристикой и квалифицирующим критерием оценки терроризма.

Признаки первой группы определяются по известным социально-политическим индикаторам, перечень которых варьируется в зависимости от сложности состояний и ситуаций [7]. Механизмы, формирующие предрасположенность определенных субъектов, процессов, явлений к терроризму в будущем, целесообразно рассматривать как «наследование в виде переноса и активизации признака» террористических предпосылок от самостоятельной сущности или окружающих условий. Таковыми могут быть деструктивные проявления, потенциально приводящие к устрашению мирного населения и власти без начальных целевых террористических установок, но фактически влияющие на принятие властных решений. Эта цель достигается методами пропаганды, агитации, манипулирования общественным сознанием, политическими подсистемами с элементами насилия для достижения политических целей. Может быть и иная комбинация: изначальное отсутствие политических установок, но при активизации деструктивного потенциала общественных отношений – политизация противоправной деятельности.

Единицей анализа (измерения) терророгенности, позволяющей судить о степени напряженности политико-идеологических отношений в социуме, служит мера насилия, реализуемого в различных формах, направленного преимущественно на мирное гражданское население, которое используется в качестве средства достижения политико-идеологических целей террористической деятельности. Мерой же выступает акт устрашающего информационно-управляющего воздействия на сознание населения и носителей властных полномочий [7]. При терророгенности как потенциальной предпосылке к терроризму эта единица будет рассматриваться через объективную и субъективную возможность совершения такого акта.

Анализ признаков позволяет рассматривать различные деструктивные явления – войну, вооруженные конфликты, репрессии, проявления преступности, сепаратизма и т. п. вне рамок обобщающих политических определений, содержащих или поглощающих признаки терроризма (или наоборот, терроризм, содержащий или поглощающий признаки всех перечисленных явлений). Появляется возможность определять их самостоятельное содержание в семантических пределах устоявшихся общепринятых норм и терминов, закрепленных в унифицированных международных и национальных нормативных и научных документах.

В таком случае объект террористической деятельности разделяется на косвенный – это те материальные и социальные структуры, на которые непосредственно направлено воздействие, и прямой, включающий органы политического управления и властно-политическую инфраструктуру, которая должна ожидаемым способом отреагировать на террористическую деятельность. Выделяя в качестве прямого субъекта властно-политическую среду, а не только конкретные органы и представителей власти (в т. ч. государственной), мы исходим из возможности воздействия на власть

как совокупность государственных структур и на народ как источник власти и носитель суверенитета.

Между прямым и косвенным объектом должна существовать определенная социально-политическая зависимость, благодаря которой субъектом террористической деятельности предполагается реакция прямого объекта при воздействии на косвенный. Эта связь может носить как властный характер (например, органы государственной власти – население страны), так и опосредованный (например, соотечественники, проживающие за пределами своего государства, – властные структуры этого государства).

Такой подход позволяет рассматривать террор и терроризм не как обобщающие политические определения, а выделять их сущность в рамках устоявшихся общепринятых норм и терминов, закрепленных в унифицированных международных, национальных нормативных и научных документах. При этом ряд других явлений, имеющих самостоятельное содержание (война, военное вмешательство, информационное противостояние, репрессии, организованная преступность, геноцид, партизанское движение, наемничество, применение оружия массового поражения и т. п.), может при квалифицирующих обстоятельствах выступать в виде явлений с признаками террора, т. е. направленности на устрашение с политической составляющей.

В случае выделения этих характеристик любое проявление террора, терроризма и других процессов и явлений, при определенных конкретных условиях можно будет определять как терророгенные, что, в свою очередь, должно предусматривать более строгую ответственность, санкции и иные формы реагирования государства. Таким образом, более адекватным реальному содержанию терроризма представляется использование понятия «терророгенность» как *специфического состояния общественных отношений, обусловленного целями и задачами, достигаемыми воздействием на властно-политическую среду (прямой объект) при помощи насилия, направленного преимущественно на имеющий политико-идеологическую связь с прямым объектом косвенный объект, которыми являются мирное население и гражданская инфраструктура государства. При этом общественное сознание косвенного объекта трансформировано запугиванием, страхом, ужасом, что ведет к дестабилизации институциализированной общественно-политической жизнедеятельности.*

В ходе разработки понятия «терророгенность» была изучена возможность использования применяемых в некоторых научных исследованиях [8] и учебно-методических решениях [9] по тематике борьбы с терроризмом термины «террология» и «террогенность». Сделан вывод об их несоответствии содержательному значению в связи с невозможностью сокращения слова «террор» до неполного корня «терро-», что предполагает понятие «наука о терре» – «наука о земле», не имеющее отношения к рассматриваемому вопросу.

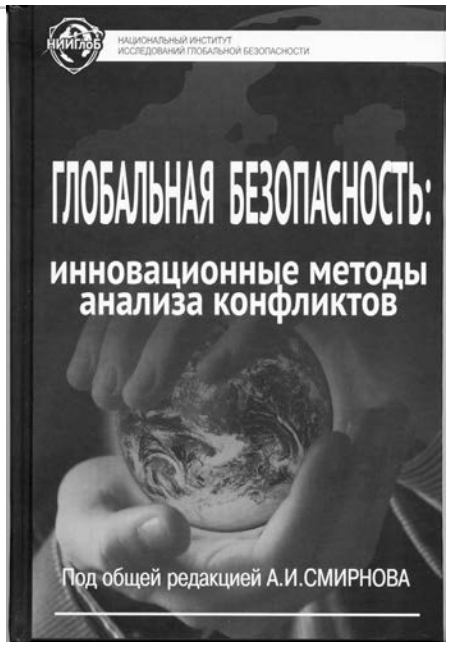
Литература

1. *Володин А.Г., Коновалов В.Н.* Международная безопасность и проблемы терроризма. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2002.
2. *Аристотель.* Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. Минск, 1998. С.1112.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ.
4. *Анохин П.К.* Узловые вопросы теории функциональной системы. М.: Наука, 1980.
5. *Субетто А.И.* Системогенетика и теория циклов. М., 1994.
6. *Кун Т.* Структура научных революций. М., 2003.
7. *Белоножкин В.И., Остапенко Г.А.* Информационные аспекты противодействия терроризму. М., 2011.
8. *Литвинов Н.Д.* Террология. Террор и агентура. Новосибирск: РИФ, 2007.
9. Будущие саратовские юристы будут изучать террологию // URL: http://rusk.ru/newsdata.php?idar=317321.

НОВАЯ КНИГА

Глобальная безопасность:
инновационные методы анализа конфликтов

Под общей редакцией А.И. Смирнова. М.: Общество «Знание России», 2011. 272 с.

Важнейшим звеном государственного управления на всех уровнях является процесс принятия решений – оперативных, тактических, стратегических. Этот процесс неизбежно связан с определенной долей ошибок, зачастую ведущих к непредсказуемым последствиям и требующих значительных средств и усилий на их исправление. Цена ошибки возрастает пропорционально уровню, на котором она совершена.

Авторы рассматриваемой работы, изданной под эгидой Национального института исследований глобальной безопасности, не учат, как принимать решения. Их задача – показать, как формируется информационная база, на основании которой решения принимаются.